

4
К-26 X

✓ +

Е. Ө. Карскій.

ОТЧЕТЪ

О ПОЪЗДКЪ ВЪ БЪЛОРУССІЮ

въ 1903 г.

1/2

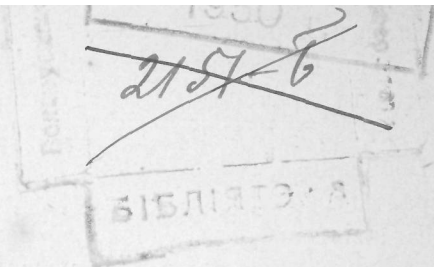
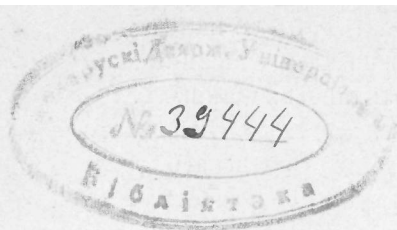
~~2151/6~~

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Стасюлввича, Вас. Остр., 5 л., 28.

1905.

ПРОВЕРЕНО

Отчетъ о поѣздкѣ въ Бѣлоруссію въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1903 года.

Е. Ө. Карскаго,

Профессора Императорскаго Варшавскаго Университета.

Вслѣдствіе предложенія г. Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, сдѣланнаго мнѣ въ началѣ января 1903 года, мною предпринята была поѣздка въ сѣверо-западный край на средства въ 500 рублей, ассигнованныя на этотъ предметъ бывшимъ въ то время г. Виленскимъ, Гродненскимъ и Ковенскимъ генераль-губернаторомъ, генераль-лейтенантомъ княземъ Святополкъ-Мирскимъ.

Цѣлью свой поѣздки я намѣтилъ: а) опредѣленіе этнографической границы бѣлорусской народности и языка съ сосѣдними великорусскими и малорусскими племенами и нарѣчїями, а также съ народностями польской, литовской и латышской; б) на мѣстѣ лично познакомиться съ особенностями разныхъ бѣлорусскихъ говоровъ и опредѣлить по возможности границы послѣднихъ; в) попутно, при случаѣ, дѣлать наблюденія надъ народнымъ бытомъ; г) отчасти собрать и провѣрить новыя и старыя матеріалы по бѣлорусскому фольклору.

Намѣченныя задачи очень обширны и врядъ ли были бы выполнены въ сравнительно небольшое время, если бы не было сдѣлано подготовительныхъ работъ въ указанныхъ отношенїяхъ. Послѣднія постепенно дѣлались мною почти съ 1886 года. О степени успѣшности моего труда можно судить

по моей книгѣ: „Бѣлоруссы. Томъ I. Введеніе въ изученіе языка и народной словесности. Варшава. 1903“, напечатанной по окончаніи моей поѣздки, на основаніи собранныхъ и отчасти проверенныхъ въ теченіе командировки данныхъ.

Размѣры книги, составляющей оттискъ изъ „Виленскаго Временника“, издаваемаго при управленіи Виленскаго генералъ-губернаторства, ея спеціальныя задачи, обозначенныя въ заглавіи, не дали однако возможности использовать весь собранный мною матеріалъ, хотя бы въ извлеченіи. Вслѣдствіе этого считаю возможнымъ, *въ дополненіе къ названной книгѣ*, подѣлиться нѣкоторыми изъ своихъ наблюденій.

Свою поѣздку я началъ съ сѣверо-западной Бѣлоруссіи. Отправившись изъ Вильны, я долженъ былъ прежде всего посѣтить Новоалександровскій уѣздъ Ковенской губерніи. Но тутъ оказалъ мнѣ помощь мой ученикъ, В. А. Каминскій, бывший въ то время учителемъ Ковенской мужской гимназіи. Благодаря просвѣщенному содѣйствію г. Попечителя Виленскаго учебнаго округа, В. А. Попова, онъ имѣлъ полную возможность посѣтить всѣ намѣченные мною пункты въ названномъ уѣздѣ и сдѣлать соотвѣтствующія наблюденія. Собранные имъ матеріалы, а также поступающіе оттуда до сихъ поръ, передаются въ управленіе Виленскаго учебнаго округа, но часть ихъ побывала и въ моихъ рукахъ.

Оказывается, что главнѣйшіе пункты въ восточной части Новоалександровскаго уѣзда въ отношеніи населенія находятся въ слѣдующемъ положеніи: *Снудза*—бѣлоруссовъ нѣтъ, а старообрядцы-великоруссы, но всѣ дзекають и цекають, изрѣдѣ $v = h$; попадаются бѣлорусскія слова. Въ *Красногорской* волости исключительно бѣлоруссы католики. Бѣлоруссы и въ с. *Плюссы*. То-же слѣдуетъ сказать и относительно с. *Слободки*. Изъ особенностей бѣлорусскаго говора здѣсь отмѣтимъ p твердое; приставочное v ; 3-е лицо ед. ч. на *еиць*; именит. п. мн. ч. каберцѣ; дажджѣ. Въ нѣкоторыхъ записяхъ изъ Слободки попадаетъ и p мягкое; есть даже случаи 3-го лица на-*тъ*, въ чемъ, конечно, слѣдуетъ видѣть великорусское вліяніе. *Браславъ*—бѣлоруссы католики и православные. Особенности языка обычныя. P твердое; 3-ье лицо ед. ч. на *еиць*. E безударное обыкновенно переходитъ въ u ; на чистомъ, на синюмъ. *Опса*—бѣлоруссы и литовцы. Бѣлоруссы стараются говорить

по-литовски. Рѣчь обыкновенная. *Дрисвяты* — бѣлоруссы католики. *Р* твердое; *-ець*. *Видзы* — бѣлоруссы составляютъ незначительную часть населенія. Въ языкѣ бросается въ глаза почти совпаденіе звука *x* со звукомъ *к*, въ чемъ, несомнѣнно, слѣдуетъ видѣть вліяніе литовцевъ. То-же въ *Тверець* Вилен. г. *Р* твердое; *-ець*. Очень мало бѣлоруссовъ въ *Рымшанахъ*. Рѣчь обыкновенная. *Смолвы* — бѣлоруссы. Вотъ нѣсколько записей изъ разныхъ мѣстъ. Не представляя новизны въ содержаніи, интересны онѣ, конечно, лишь въ отношеніи языка.

№ 1.

Икѣ ярыну жнуць.

На моры утачка купавалася,
 Ена свайго перьячка дзивавалася:
 „Перьялка ты маё сизѣнькая,
 „Ци будзяшъ сизбя на чистуомъ поли,
 „Икѣ цяперъ сизбя на синюмъ моры“.
 У каморы дзѣвачка умывалася,
 Сваихъ бѣлыхъ ручакъ дзивавалася:
 „Ручаньки моё бѣленькіе,
 „Ци будзяшъ ¹⁾ бѣлые ў свякроўки.
 „Икѣ цяперъ бѣлые ў матульки“.
 Браславъ.

№ 2.

Эй старшы свать!
 Кешомъ ²⁾ — пирокъ точицця,
 И намъ яго кочецця.
 Кали не даси,
 То й самъ не ззѣси.
 Якъ ты будзешъ ўбаць,
 Твой пирокъ адберець
 И кешени адарвецъ.
 Эй старшы свать!
 Твой пирокъ смачненькій,
 Только кусокъ маленькій.

Видзы.

¹⁾ Будете ли.

²⁾ Коровай.

№ 3.

Съ поўначи пятахъ зацѣяў,
 Свеарка ў каморы загукаў,
 Мiane маладзеньку па вадзичку паслаў.
 Правая ручка вароцячкі аччиня,
 А лѣвая ручка слѣзкі уцирая.
 Якъ я у татулькі была,
 Якъ розачка ў садочку цвила;
 А цяперъ папалася бѣсу лянiвiаму
 И сабаку брахлiвiаму.

Видзской волости.

№ 4.

У чистымъ поли на далiнiя
 Пасла дзѣўка кони варанья;
 И пасучи пагубляла,
 Шукаючы заблудзила.
 Приблудзила къ синю мору,
 Къ синю мору и къ азѣру.
 „Рыбалоўцы вы малойцы.
 „Ци ня видзали вы коней?“
 — Хоць видзали, ня видзали,
 Табѣ мы ня скажiмъ;
 Загадаiмъ семъ загадкоў,
 Адгадаiшь — тады скажiмъ:
 Хто гарыць бязъ полыми,
 И хто ляциць бязъ поводу,
 А хто бѣлы нiбялены,
 А хто чорны нiчарнены,
 А хто рабы нi писоны,
 А хто расцець бязъ корыня?
 — „Зара гарыць бязъ полыми,
 „Вада ляциць бязъ поваду,
 „Лебязь бѣлы нi бялены,
 „Воранъ чорны нi чарнены,
 „Дзяцялъ рабы нi писоны,
 „Камень расцець бязъ корыня“.
 Дзяўчына ты маладая,
 Сонца ясна ты яспѣя!

Ў чистымъ поли на даліня
 Ходзяць кони вараныя,
 Ядудь траву шаўкобаю,
 Пьюць вадзіцу мядо́ваю.

Той же волости.

№ 5.

Выйду ў вясёлонку ¹⁾.
 Сяду падь акеночко;
 Гляну я ў садъ зэляный.
 Тамъ шабечець салавеенько,
 Тамъ щабечуць дробны пташчкі.
 Шабячыце салавеенькі,
 Шабячыце дробны пташчкі,
 Вяселица миня молоду.
 Вяселица миня молоду
 Да ў чужой стóронѣ.
 Адазваўся салавеенько,
 Адзлікнуўся дробный пташчкі,
 Не салавей, да мой браценько,
 Не салавей, да мой рóдненькі:
 „Вяселися ў чужой стóронѣ,
 „Я цяперь ў своёй стóроны
 „Татку зь мамкай прыкапаў,
 „И зямелькай прыдаптаў;
 „Самъ малодый на войну паўжджаю,
 „Цібе, сястрыца, адвѣдаю;
 „Самъ малодый ваяваць буду,
 „Татку зь мамкай спаминаць буду“.

Дрисвяты.

№ 6.

Дымно поле, да зачимъ оно дымно,
 Да ці лѣсь разгараить,
 Да ці мохъ расчвитаить?
 А ні лѣсь разгараить,
 А ні мохъ расчвитаить,

¹⁾ Свѣтлицу.

Да насъ панъ зъ войны ѣдзеть,
 Везеть сабѣ паненачку,
 Везеть сабѣ паненачку,
 Тонкую высокую, бѣлую румяную.
 Опса.

№ 7.

Ў полѣ бяроза стаяла,
 Я тамъ маладзенька гуляла,
 Залатыя сучки ламала,
 Ихъ я ў пучочки вязала,
 Залатый масточекъ масціла,
 Да брацетка ў госци хадзила.
 Я чула братаву гаворучи:
 „Што гэта за пошаръ ¹⁾ саломка,
 „Што гэта за госця залоўка?
 „Тольки и пошаръ-травица,
 „Только ў мяне и госця — сястрыца“.

Рымшанская волость. Весенняя пѣсня.

№ 8.

Ў бару вязюля кукўець,
 Па мнѣ радная мамка бядўець:
 „Гдзѣ мая дачўшка гарўець,
 „Гдзѣ ена ночку начуець?“
 Кинь, вязюля, кукаваџи,
 Кинь, мамка, па мнѣ бядаваџи.
 Кукўець вязюля на дубу,
 Плачець па мнѣ мамка на двару.
 Той же волости. Весенняя.

№ 9.

Позна я малада зъ кирмашу шла,
 Чула я малада салаўй пія.
 Салавей щабѣчець, ёнъ праўдачку кажець:
 Гдзѣ маё дзвцятко спатаньки ляжець.
 Ёнъ ляжець, ёнъ ляжець самъ сабою,

¹⁾ Кормъ для скота.

Бѣлыя ручки падъ галавою,
 Праваю палюю ёнъ накрыўшися,
 Гарачаю слизою ёнъ абліўшися.

Слободка.

№ 10.

Да горки палынь у гародзи,
 Да гарчѣй таго мнѣ маладзюсенькой.
 Сама ня знаю, што чиници:
 Ци замужъ исци, ци дзѣўкой быци.
 Замужъ памоўши—велька гора,
 Дзѣўкай быци—люцка абмова.
 Ци ня Бохъ тэй даў пярапѣўцы—
 Куды захацѣла, туды паляцѣла:
 Ци ў щиры боръ па ягодки,
 Ци ў зялёны садъ па смародки.
 Да ци яна тамъ заблудзила,
 Ци жъ яё тамъ ваўки зѣбли?
 Да кабъ яё тамъ ваўки зѣбли бъ,
 Были бъ лясочки ня цихіе,
 Были бъ лужочки кривавые.
 Да кабъ яна тамъ утанула бъ,
 Были бы бяражочки паўнюсеньки...

Оттуда же. Весенняя.

Особенно интересовали меня бѣлоруссы Курляндской губернии. Свѣдѣнія о нихъ у Кеппена казались очень устарѣлыми. Пришлось эту мѣстность объѣздить лично. Я посѣтилъ слѣдующіе пункты:

1) *Фабіаново* (первоначально и по народному — Яновка). „Фабіаново“ — названіе прихода, но какого-либо села здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ Иллукстскаго уѣзда, нѣтъ; нѣтъ здѣсь и деревень. Населенные пункты обыкновенно состоятъ изъ 2—3-хъ домовъ съ домашними постройками и только. Лишь расколъничьи деревушки да немногочисленные мѣстечки обшириѣе. Давно ли живутъ бѣлоруссы въ Фабіановѣ, трудно сказать. Изъ церковной лѣтописи видно, что современная каменная церковь на средства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ построена взамѣнъ убогой деревянной, существовавшей здѣсь съ 1743 года. Большинство бѣлорусскихъ населенныхъ мѣстъ

оканчивается на-*шишки* (Маташишки, Свирѣлишки, Шукѣлишки, Казюлишки, Пелавнѣишки и т. д.). Повидимому, первоначальные обитатели этой мѣстности были литовцы или латыши. Всего населенія въ Фабіановскомъ приходѣ 787 чел. (410 муж. п. и 377 жен.). Раскольниковъ (не бѣлоруссовъ) 452 души; послѣдніе никакого общенія съ бѣлоруссами не имѣютъ, ни съ православными, ни съ католиками. Католики-бѣлоруссы оказываютъ сильное вліяніе и на православныхъ, вслѣдствіе чего послѣдніе молитвы обыкновенно читаютъ по-польски. Представленія о народности нѣтъ никакого. Даже не знаютъ на какомъ они говорятъ языкѣ. Исключительно въ Иллуэстскомъ уѣздѣ бѣлорусское нарѣчіе называется „Мухобродскимъ“. Какъ ни старался я узнать, откуда пошло такое названіе и что оно значитъ, ничего не могъ сдѣлать. „Мухобродскимъ“ называютъ его и православные священники и католическіе ксендзы и даже мѣстные старожилы бароны. Еще на дняхъ я получилъ нижеслѣдующее стихотвореніе, записанное мѣстнымъ барономъ, при письмѣ Фабіановскаго священника С. П. Бѣлоусова. Въ немъ между прочимъ читаемъ: „Баронъ говоритъ, что эти стихи Мухобродскіе. По его объясненію, мухобродами здѣсь называются кутники-бобыли (одинокіе бѣдные крестьяне), живущіе у мужиковъ хозязевъ, имѣющихъ на откупѣ землю, часто переходившіе и теперь переходящіе отъ одного хозяина къ другому“. Вотъ эта пѣсня:

Не кахай ты галубца:
 Галубецъ махлюецъ,
 А кахай ты маладца,
 Что у люльку дуетъ.
 Юлька, Юлька, паглядзи,
 Дундары ¹⁾ я маю,
 И что тыдзень по одзинъ
 Дундаръ пришиваю.
 Цеперьъ рыбку я лавлю,
 Будь ты мая рыбка.
 А какъ выйдзешъ за меня,
 Заиграецъ скрипка.

¹⁾ Дундаръ — блестящая пуговица на мундирѣ.

Зарывецъ тагды дуда,
 Запець татулька,
 А мы съ табою въ трипака,
 Каханая Юлька.

Стихотвореніе это въ отношеніи языка недостаточно точно (вм. что д. б. што, какъ вм. якъ, е вм. ў), но оно чисто бѣлорусское. Для характеристики мѣстнаго говора, кромѣ отмѣченнаго стихотворенія, могутъ быть интересны слѣдующія замѣтки, сдѣланныя мною: зялены лѣсь; дзѣци; нясець; ёнь; ёсь; боръ, такі крывы; царъ; бувáли; ку(ъ)жү; ўлѣсь ў мѣхъ; ўю; виджу; отвѣщаць; дзѣўць; на дузѣ; на страś; вѣлица; вось; вакно; вугóль; паву́къ; шўма = сорь; вѣцный, но ничóго; залѣзный; Пилипъ, Хвѣдоръ; ахвóга, айуѣць; лѣпши; стóлопъ; шпарко = быстро; съ сабакомъ, съ пѣяницомъ; пильно = очень; раптóўне = сильно: доць задаў раптóўне; абѣдва; ўзяў рука́мъ; быў ў штанóхъ; людзёмъ; два чалавѣки (въ женск. и среднемъ родѣ тоже, повидимому, множеств. число и родит. ед. ч.); яѣшня; гѣты; гѣны; явóны (= его); увесь; ўсі; ўсихъ...; дзвюхъ; забодзяўся = усталъ; въ 3 л. ед. и мн. ч. всегда *-ць*; превосх. степень: засѣльно, задўжа; дзяку = спасибо; нявóльна = нельзя; прышло прызь няньку, я выши за цябе. Пѣсня:

— Ты купáлинька, ранó, ранó,
 Да идзѣ ты была, ранó, ранó.
 Да што ты рабіла, р., р.;
 — Да ў бору была, р., р.,
 Я краски збирала, р., р.;
 — Нашто красычки, р., р.;
 — Я й вянки вици, р., р.;
 — А нашто вяночки, р., р.;
 — Дзѣвущки на голóўку, р., р.

2) *Скрудаліна*. Всего населенныхъ мѣсть около 62, а жителей 1533 (760 муж. п. и 773 жен. п.). Кромѣ православныхъ бѣлоруссовъ, еще имѣются католики, около 1332. Въ населенныхъ мѣстахъ преобладаютъ названія *на-ишки* (Рагулишки, Волѣнишки, Лапѣнишки, Метелишки, Колонішки и др.). Народная рѣчь такая-же, какъ и въ Фабіановѣ. Уви-

дѣвъ аиста, я спросилъ: Какая это птица? Мнѣ отвѣтили: Буцяпъ гѣна.

3) Отъ скрудалинскаго священника, о. Михаила Петерсона, хорошо знающаго *Иллукутъ*, я получилъ свѣдѣнія и относительно этого послѣдняго мѣстечка. Населеніе этого мѣстечка, по его словамъ, чисто бѣлорусское; состоитъ изъ православныхъ и католиковъ; послѣднихъ до 5000, православныхъ въ 1902 г. числилось 856 чел. (муж. п. 457 и жен. п. 399). Примѣты въ языкѣ: дзеканье и цеканье; твердое *р*; 3 л. ед. ч. всегда на *-ць*; гѣтотъ; вулица; полонизмы въ словарѣ.

4) *Борѣвка*. Основное населеніе бѣлоруссы, состоящее изъ православныхъ и католиковъ, послѣднихъ нѣсколько больше. Языкъ представляетъ тѣ же особенности, что и въ раньше посѣщенныхъ мною мѣстностяхъ. Много свѣдѣній получено мною отъ мѣстнаго старожилы учителя Е. Лебедева. Въ памятной книжкѣ у меня отмѣчены между прочимъ: казѣу, ўзяў, глядзі, яна, галара, пѣлынь и пѣлымъ, праглыні, гѣтотъ, гѣнѣнь (= тотъ), ўмѣрла, гвѣздышко, пшавіца, вязуць, жавіцца, ў рѣци (= во рту), на руць, йшоў, ймя, буваі, ильняны, ўлѣсь ў мѣхъ, даў, буў (съ довольно явственнымъ *ѳ*), гавару, царь, *и = ѣ* вездѣ даже въ словахъ, взятыхъ изъ польскаго (*hanak*), дзеканье и цеканье, Ильля, свиня, вясѣля, бѣжа воля, відажу, зѣсьць, зѣхаў, дузь, дзѣўцы, вѣзаро, вѣлица, вумъ, павукъ, ужака и вужака, шесь, дасць, пій, коній, Хведоръ купаўси (и купаўся), цѣрци, ўмѣрци, ѣстыньки, питыньки, піяць (= пѣть), съ сабакамъ; звательный падежь выходитъ изъ употребленія, во множ. числѣ формъ на *ѣ* (*ѣ*) нѣтъ, рублѣў, парася, табѣ, сабѣ, тѣе, тыхъ и т. д., дзвѣ — дзвюхъ, дорогій хлѣпъ, ясі, дасі, нясець, хвалиць, неопр. бяхчі.

Такія же особенности языка и въ другихъ приходахъ въ разсматриваемомъ районѣ. Я посѣтилъ еще изъ православныхъ — Солопайскій приходъ (церковь и священникъ въ Тартакѣ), Коплаускій и Гривскій, а изъ католическихъ Лавкескій. Населеніе вездѣ смѣшанное: бѣлоруссы, латыши, евреи и даже цыгане. По религіи католиковъ больше, нежели православныхъ. По свѣдѣніямъ 1902 г., полученнымъ мною у благочиннаго, живущаго въ Гривѣ-Земгалленѣ, всего православныхъ (кромѣ приведенныхъ уже мною цифръ):

Въ Гривскомъ приходѣ 1037 (560 муж. и 477 жен. п.).

Въ Хрщевскомъ приходѣ 136 (79 муж. п. 57 жен. п.).

Въ Солонайскомъ приходѣ 982 (477 муж. п. и 505 жен. п.).

Въ Коплаускомъ приходѣ 650 (331 муж. п. и 319 жен. п.).

Относительно католическихъ приходо́въ свѣдѣнія мною получены въ Лавкесахъ у ксендза Скрупскаго, живущаго въ названномъ приходѣ 20 лѣтъ. По его словамъ, во всѣхъ католическихъ окрестныхъ приходахъ большинство составляютъ бѣлоруссы, говорящіе на „мухобродскомъ“ языкѣ, поляковъ католиковъ меньше половины, незначительная часть литовцы и латыши, напр. въ Лавкескомъ приходѣ бѣлоруссовъ католиковъ 4 т., поляковъ 3 т., литовцевъ 1 т., латышей 100 чел. Мои прислушиванія къ разговорамъ показали, что простой народъ обыкновенно говоритъ по-бѣлорусски, болѣе образованные уже по-польски. Старинные языческіе обычаи сохранились въ незначительной степени (костры на Ивана Купала, свадебные обряды и пѣсни); причиной этого является то, что живутъ обыкновенно особнякомъ, а не деревнями. Знахарей много, но больше изъ латышей. Цвѣтъ одежды пестрый и бѣлый.

Къ сѣверу отъ разсмотрѣнной области живутъ латыши и отчасти великоруссы. Но и бѣлорусскія поселенія также нерѣдко между ними; на картѣ они не отмѣчены въ виду преобладанія здѣсь все же латышей. Даже въ Двинскѣ и Рѣжицѣ приходилось мнѣ встрѣчать на рынкѣ и на улицахъ женщинъ, говорившихъ чисто по-бѣлорусски; мужчины говорили обыкновенно по-великорусски.

Для опредѣленія сѣверной границы бѣлоруссовъ мнѣ пришлось два раза побывать въ указанной области. Тотъ и другой разъ я держался желѣзной дороги Рѣжица — Ржевъ и изъ разныхъ ея станцій дѣлалъ поѣздки къ сѣверу и на югъ; прислушивался къ рѣчи ѣдущихъ по желѣзной дорогѣ мѣстныхъ крестьянъ; дѣлалъ наблюденія на станціяхъ надъ крестьянками и дѣтьми, продававшими ягоду, спрашивалъ свѣдущихъ лицъ и т. п. Оказалось, что точно установить границу Бѣлорусской области на сѣверѣ довольно затруднительно, такъ какъ здѣсь преобладаютъ смѣшанные говоры, переходящіе на сѣверѣ незамѣтно въ великорусскую рѣчь. Часто встрѣчаются деревни, особенно возлѣ большихъ дорогъ, въ которыхъ большинство населенія говоритъ по-великорусски,

и лишь женщины (въ большинствѣ) и дѣти склоняются въ сторону бѣлорусскаго произношенія; тѣ или другія спеціально бѣлорусскія слова и обороты иногда наблюдаются далеко къ сѣверу отъ указанной границы въ чисто великорусскихъ областяхъ. Сказанное относится не только къ разговорной рѣчи, но и къ народнымъ пѣснямъ. Чисто бѣлорусскія пѣсни мнѣ диктовали или пѣли часто въ такихъ мѣстахъ, гдѣ большинство пользуется великорусскою рѣчью, и наоборотъ — великорусскія пѣсни, но больше съ дзеканьемъ и цеканьемъ, я слышалъ и въ бѣлорусскихъ областяхъ. Вотъ для примѣра нѣсколько наблюденій изъ разныхъ мѣстъ разсматриваемой области.

Село *Купііі* (въ 13 верстахъ къ югу отъ г. Великіе Луки). Дзеканье наблюдается къ югу отъ Купуя; смѣшенія *p* твердаго и *p* мягкаго нѣтъ; вездѣ *г=н* (гавориць, галава); во всемъ приходѣ въ извѣстномъ положеніи *л* переходитъ въ *ў* (быў, просіў). Въ 3-мъ лицѣ ед. ч. глаголовъ преобладаетъ *-ть (-ць)*, но бывають и случаи отсутствія этого окончанія (нясе, хвалиць, ёсьц и под.). Еще разные примѣры: ўпукъ, ўлѣзь ў мѣхъ, нима, доць, сляпѣй, сяодни, ўўлица, ўосъ, павўкъ, ётый, вузь, гужъ, глядзѣць, купаўся и купался, ня траплялось, ня ўпомню, мясіць, дражніць, нѣ вм. нѣтъ, Хецька = Оедька. Но вообще большинство здѣсь говоритъ по-южно-великорусски и лишь допускають нѣкоторыя особенности бѣлорусскія. Здѣсь записана пѣсня:

Отварілися варѳа,
 Вайшли ко́ни са двара́...
 Не хадзі на наша поля,
 Сыпраціўница мая.
 Стѳиць, стѳиць таѳ (тебѳ), ягадка,
 Да у гла́зы наплява́ць...
 Харашѳ мяне жалѳешъ,
 Да ня ўмѳешъ цалава́ць.

Село *Колобаки* (въ 2 в. къ югу отъ Великихъ Лукъ). Прежде всего обращаютъ на себя вниманіе особенности мѣстныхъ костюмовъ: у женщинъ на бѣлыхъ рубашкахъ красные шерстяные вязаные наплечники, подъ рукавами вставки изъ краснаго кумача. Ворота у женскихъ рубахъ тоже бывають

расшитые. При поясахъ у женщинъ непременно имѣются карманы для табакерокъ и ключей. Верхнее платье у женщинъ называется „насобъ“; въ немъ рукава не одѣваются, а опускаются подъ поясъ; возлѣ рукавовъ прорѣзъ, куда выходятъ рукава отъ рубахи съ украшеніями. На головѣ по-войникъ. У мужчинъ преобладаютъ бѣлые кафтаны; пояса довольно широкіе шерстяные тканые. По языку населеніе безусловно бѣлорусское; но и по-великорусски также говорятъ многіе. Изъ особенностей рѣчи отмѣтимъ: сильное дзеканье и цеканье, появленіе въ извѣстныхъ случаяхъ *ў* на мѣстѣ *л* и *в*, а также *у* безударнаго, 3-е лицо на -*э*, -*эць* и -*иць*, послѣднее бываетъ и вмѣсто -*ець* безударнаго; слогъ -*эй* у именъ прилагательныхъ (конѣвъ мой сильнѣй); смѣшеніе дат. и твор. п. во множ. числѣ; смѣшеніе *ч* и *ц* изрѣдка; частица *ти* (*ци*) при вопросахъ (ци пойдешъ?); можно слышать закрытое *о* (почти *у*) въ конечныхъ слогахъ въ нарѣчіяхъ (хѣду. ліху). Еще примѣры на разныя особенности: пайшоў, ўзяў, добро вязэ, ня пьець, хва́лиць, умѣиць. При всемъ томъ нельзя не отмѣтить, что даже самый типъ мѣстнаго населенія болѣе великорусскій, нежели бѣлорусскій. Пѣсенные напѣвы тягучіе, бѣлорусскіе. Относительно пѣсенъ здѣсь, какъ во многихъ другихъ мѣстахъ, говорятъ, что ихъ „играюць“, а не поють. Вотъ нѣсколько пѣсенъ, записанныхъ мною.

№ 1.

На гóрушкѣ на гарѣ,
 На высóкой на крутóй,
 Маладзѣць зѣллея капáець
 И самъ его ня звáець,
 Равнóй матушки пытáець:
 Маць мая, матушка,
 Што ета за зѣлля,
 Што бѣлая карѣння?
 —Дзиця ль маё, дзи́цятко,
 Ета зѣлля бездзѣлля,
 Маладзецкая сухатá,
 А дзѣв́ичая красатá.

№ 2.

Мы ма́сляницу дажидáли,
 Мы ма́сляницу сустричáли,
 На гóрушку выхадз́или,
 Сыр́ь съ ма́сломъ начинáли...
 Нáша гóрушка катл́ива,
 Нáши дз́взушки гулл́ивы.

№ 3.

Ў́ нашей цéшчи за варотамъ заць гасц́иць,
 На яго и дощ́ь и сн́ьгъ и замац́елица...
 Яго цéшча бяздз́елица.

№ 4.

Дарагой посаженный госць,
 У люб́и зазóванный
 И ў́ часци пасóженный
 И за дубóвымъ стóликомъ
 И за брáнными скáцерцямъ
 И за ў́ствыми за сахáрными
 За нап́иткамъ за пъя́ными.
 Вў́мная вў́мница NN
 Галў́бчикъ с́изеньќий NN
 И галубка б́ленькая молодá жена.
 Вынимáй шалков́у машн́ю,
 Высыпáй залат́у казн́ю;
 Выберáйка зóлота миж́и чиста срябрá,
 Срябромъ игриць дар́и,
 А залатó для себя блюдз́и...
 Не ў́бавля́й, нáша вў́мница.

№ 5.

Бласлаў́ляў́ся ясьмёнъ м́сяць
 Да во красной соў́нушки;
 Бласлаў́ляў́ся NN
 Д у рóннаго ба́цюшки,
 Да у рóнной ма́тушки.
 „Бласлав́и мяне, ма́тушка,

„Какъ на ѿсцинь пуць пайціць,
 „У Гаспѣдній храмъ ступиць,
 „Залѣтъ вянецъ прিনিць
 „И сваю суженую павидаць“.

№ 6.

Не по мѣрюшку ли сѣбра вутушка плывецъ,
 Не ко мнѣ ли это рѣнна матушка йдзецъ.
 „Пойдзи, ронна матушка, ў госци ка мнѣ
 „И расправѣдайка жисць несчастную маю,
 „Какъ я горькая у чужихъ людзяхъ живу,
 „Не по плису, не по бархату хажу,
 „Черезъ серебро гарачи слѣзы лью“.

№ 7.

Ня шумъ шумиць, ня громъ гримиць,
 Христось васкрѣсь, Сынъ Божій!
 Хазяинушко ты нашъ бацюшко,
 Спишь, аль ляжишь съ маладой жаной,
 Устань, праснись, прабудзись,
 Ваздуѣ агонь, схаdzi на дворъ:
 У тваёмъ дварѣ три радасци —
 И кабыла жарабилася и карова оцѣлилася
 И авечка оягнилася...
 Аткарый вакно, паглядзи на дворъ;
 А ў тваимъ дварѣ стаиць церква,
 Стаиць царквѣ сабѣрная, багамѣльная.
 Ва той царквѣ пять прѣзничкоў:
 Первы прѣзникъ — Христось васкрѣсь,
 Другей прѣзникъ — Святой Ягорій,
 Трѣцый прѣзникъ — Борисъ и Глѣбъ,
 Чацвертый прѣзникъ — Микола Святая,
 Пятый прѣзникъ — Троица Святая,
 Шастой прѣзникъ — Илля...
 Ягорій свѣтъ — яго и дома нѣтъ,
 Во поли гуляецъ, кароў пасецъ,
 Борисъ святой — коней пасецъ,
 Микола святая — авесь засѣваиць

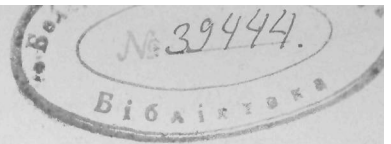
Святая Илля рожь зажинѣць
 Правой рукой — залатымъ сярпомъ,
 Дзѣ спомъ ляжиць, тамъ бабка стаиць,
 Дзѣ бабка, тамъ мѣрка ржи.

Ст. *Кўня* (къ востоку отъ Великихъ Лукъ). Дзеканье и сильное аканье (нясѹ, дваццаць, купиця); смѣшеніе дат. и твор. падежей множ. числа. Мужчины больше говорятъ по-южновеликорусски, впрочемъ и отъ женщинъ приходилось слышать — чаво.

Село *Юткино* (Бѣльскаго уѣзда Смолен. губ. при станціи Нелидово на рѣкѣ Межѣ). Населеніе смѣшанное; преобладаютъ бѣлоруссы ($\frac{2}{3}$ деревень). Бѣлоруссы живутъ при болотахъ, великоруссы въ мѣстностяхъ открытыхъ. Великоруссы больше собственники, а бѣлоруссы на казенныхъ земляхъ. Старинные обряды и обычаи еще есть, но уже выводятся. Еще поютъ пѣсни колядскія, масленичныя (сожигаютъ чучело), волочebныя и свадебныя; бываютъ и погребальныя причитанія. Завиваютъ вѣнки и знаютъ массу сказокъ. Изъ особенностей языка отмѣтимъ: смѣшеніе *ч* и *ц* (чарь, черква, вѣцный), дзеканье и цеканье, 3-е лицо на *-ць* (нясѣць, хваліць), прилагательныя на *-эй -ей* (злэй, сляпэй, якѣй), смѣшеніе дат. и твор. п. множ. числа, *ў* вмѣсто *л* въ извѣстныхъ случаяхъ (схѣпаў = взялъ, отчиніў = открылъ) и *в* (свакрѣў), слитіе гласныхъ (парали = поорали), 3-е лицо множ. ч. всегда на *-уць* — *-юць* (паюць, сѣдзюць, кормюць, завязываюць), во 2-мъ л. мн. ч. дасьцѣ, фсьцѣ, удвоеніе согласныхъ (застѣлля). Нѣсколько пѣсенъ, записанныхъ въ Юткинѣ (и здѣсь „пѣсни играюць“):

№ 1.

Ждала свякрова нявѣстку,
 Кунами дворъ слала.
 „Капъ мая сила была пѣ,
 „ Я золатамъ выбила бѣ дворъ.
 „ Выхадзи, свякрова гарбатая,
 „ Сустрчай нявѣстку богатую“.

№ 2.

Ягада зъ ягадай сакаціліся,
Сакаціўши ня раскоцюцца;
Іванъ зъ Марыюшкой сахадзіліся,
Сыйшодши ня разыдудца.

№ 3.

А мы масляницу сустрѣкали,
И бересни ¹⁾ съ масломъ пачинали,
Сыромъ гару усыпáли.
Наша масляница катлива,
А дзѣвухи гуливы,
Малодушки игривы,
А дзѣўкамъ гуляць зъ малатцами,
А малодушкамъ зъ мужукамі.

№ 4.

А мы масляницу пракацілі;
Нась масляница падманіла,
Ны вялікій постъ пасадзіла.
А мы думали маслянцы 7 нядзѣлякъ,
Ажно маслянцы 7 дзянѣчкоў,
А большэй постъ 7 нядзѣлякъ.

На сѣверѣ Бѣлоруссіі особливо интересовало меня распространеніе бѣлоруссовъ въ Тверской губ. По имѣвшимся у меня свѣдѣніямъ бѣлоруссы кое-гдѣ должны были быть въ Осташковскомъ, Ржевскомъ и Зубцовскомъ уѣздахъ. Болѣе или менѣе центральнымъ пунктомъ въ указанной мѣстности является г. Ржевъ. Я и рѣшилъ-было избрать его базисомъ для моихъ поѣздокъ. Чтобы производить ихъ съ большей пользой, я обращался къ мѣстной, больше педагогической, интеллигенціи за разными этнографическими справками. Оказалось, однако, что о составѣ мѣстнаго населенія никто не имѣлъ опредѣленнаго понятія. Оказалось лишь два лица — мѣстный любитель-археологъ С., учитель гимназіи, да инспек-

¹⁾ Горшки.

торъ народныхъ училищъ П., которые слышали, что по Туду живутъ какіе-то „шепяки“, говорящіе какъ-то особенно, что иногда на рынкѣ во Ржевѣ отъ простого народа можно слышать какія-то особыя слова (напр. дарма, купляешь, нѣ=нѣтъ, упакать=угодить). Отъ другихъ лицъ и такихъ данныхъ почерпнуть не удалось. Случившаяся дурная погода (дожди) и крайняя дороговизна земскихъ почтовыхъ лошадей (до 4 р. за 10 верстѣ) заставили меня измѣнить планъ поѣздки по Тверской губерніи. Получивъ свѣдѣнія о самыхъ глухихъ пунктахъ по р. Туду, я изъ ст. Оленино (къ зап. отъ Ржева) направился черезъ с. Бобровки въ с. *Холмецъ*. По дорогѣ до этого села я имѣлъ случай убѣдиться, что тверскіе бѣлоруссы сильно русѣютъ: люди бывалые обыкновенно говорятъ по-великорусски; бѣлорусская рѣчь больше у женщинъ да у бѣднѣйшаго населенія, живущаго по захоlustьямъ. Внѣшній видъ и одежда болѣе близки къ великорусскимъ. Бѣлорусскіе лишь бѣлые балахоны (насовы) и куртки. Холмецъ расположенъ въ 1½ верстѣ отъ Туда. Главной эксперткой у меня была мѣстная бѣдная крестьянка Соломонида Хотѣва, 56 лѣтъ. Кромѣ дзеканья и цеканья, здѣсь еще распространено цоканье (смѣшеніе *ч* и *ц*). Остальныя черты будутъ видны изъ слѣдующихъ записанныхъ мною словъ и фразъ: ўзяў, вада, намачились, жалѣецъ, пѣисъ, каляда, у тѣй рукѣ, сляпѣй чалавѣкъ, крѣпиць, царнабрѣвый, дѣцка нежывѣць, ня можно жыць, адзѣжу не тдаѣць, хадзіли съ прапеніемъ, придзѣць па почтѣ, цяперъ другей земскій нацальникъ, па людзѣмъ хадзіла, я ўзяла яе каратышку, цатыры каровѣ, тольки дала паткаць, плацце и паддзѣўка, я думаю ничогъ не будзецъ, на страснѣй нядзѣли насъ и рассудзили, мужа нѣтуци дома, апяць схаваўся, тутачка перядъ Пятрѣмъ, исъ нѣчаго, наядўцца, глыбоко, варѣты, Багарѣдзица, етатъ, ѣнь—яна—яна (дзица), цѣща, мѣрзнуць, магѣмъ, мижи собою брѣнюцца, ильну, зилиноватъ, бяда не насъкіе, цавá вяліка, ѣнь ишоў, много яецъ, но яйшняя, нѣту кўрицки, рогі зылатѣи, воблаки, маланія, вясѣлка (радуга), конь иржѣць, ирваць, ўнўкъ, ўнўцекъ, должня. *Р* твердое и *р* мягкое не смѣшиваются. Илля, свацця, Ягорья, ѣсць, шамель, пцала, сявѣнни, вѣсень, азярѣ, вумъ, вўлица, шесъ, ѣнь дасъ, чарства нябѣсная, чѣркаў и цѣркава, мацыха, свѣтъ (= цвѣтъ), Хилипъ, Хѣдаръ, хунтъ, вѣйска, женскій, мушкѣй, сцюдзѣная вада, карагѣдъ, кудюю,

тудю, сюдою, ци ёнь придзёць? быў ў гасцёхъ, ў людзёхъ, маго, у минё бацьки нѣтъ, такой цась.

Отъ Холмеца, держась теченія р. Туда, я направлялся къ селу Молодой Тудъ, рядомъ съ которымъ за рѣкой с. Васильевское. По дорогѣ, равнымъ образомъ какъ и въ указанныхъ селахъ и далѣе почти до Ржева, говорятъ обыкновенно по-великорусски, но и бѣлорусскія особенности подчасъ напоминаютъ о себѣ, главнымъ образомъ въ рѣчи захолустныхъ жителей, женщинъ и дѣтей. Въ *Василевскомъ* и *М. Тудѣ* у меня отмѣчены (но не какъ общая особенность): дзеканье, ўзяў, даже царь (*р* твердое только въ этомъ словѣ), ли калотца, залатѣй, адвѣй, цѣшка, чѣрква, глыбокi(ъ)й, ётатъ, кўзня, нѣжни (= ножницы), кѣменя (род. п.), вяселле, веребей, льлю, чѣвѣ, бядѣ, яецъ, яёшня, шьло, дзиравый, ўмерца, здэрца, шцерць, иржѣ, ишоў, ўвагонъ, Илля, адъ мянѣ, ў другой такей жонки, вѣсянь, жанiтча, вѣцный. *Ци* при вопросахъ не всегда употребляется. *У* лѣсѣ, пойдзёмъ ў грибi, мужукi, служиць панѣмъ. Смѣшенiе дателн. п. множ. ч. съ творительнымъ. Быў ў гасцёхъ, у тѣй хаты, майгѣ, твайгѣ, ёнь—явѣ, увесь, ўси, ўсiхъ, дзвюхъ, ў двыхъ, нясѣць, спицьна ёмъ. Населенiе въ указанныхъ мѣстахъ менѣе крупное, близкое къ среднему бѣлорусскому росту, но вообще замѣтна утрата бѣлорусскаго типа. Выходить, что какъ бы великоруссы говорятъ по-бѣлорусски. По словамъ учительницы земской школы въ с. Васильевскомъ, особенности, сходныя съ отмѣченными мною, можно наблюдать и дальше къ сѣверу отъ р. Туда, даже въ ўѣздѣ Осташковскомъ, но я не нахожу возможнымъ считать эту область бѣлорусской: великорусскiй элементъ въ ней все же преобладаетъ.

Изъ с. Молодого Туда я направился на сѣверо-востокъ къ Волгѣ и ея притоку Итомлѣ; остановился въ с. *Сытьковѣ*. И здѣсь говорятъ обыкновенно по-великорусски; даже отдѣльных бѣлорусскихъ особенностей слышать не приходилось. Впрочемъ въ сосѣднихъ мѣстностяхъ „шепляки“ дають о себѣ знать своимъ особымъ выговоромъ (дзеканье, ў, -эй въ имен. п. прилагательныхъ, звукъ $v=h$ 3 л. глаг. на -еиць, смѣшенiе *ч* и *ц*, дат. и творит. п. множ. числа). Типъ великорусскiй. Изъ Сытькова по большой дорогѣ, за Волгой, направился въ Ржевъ. Здѣсь, конечно нигдѣ, бѣлорусскаго произношенiя не слышалъ.

Во время поѣздокъ по сѣверной Бѣлоруссіи мнѣ пришлось быть и во многихъ мѣстахъ Витебской г., въ сѣв. части Могилевской и Смоленской. Наблюденія производились только надъ языкомъ. Но оказалось, что въ сравненіи съ тѣми свѣдѣніями, которыя мы почерпаемъ изъ извѣстныхъ сборниковъ — Шейна, Никифоровскаго, Романова, Добровольскаго, ничего особенно новаго замѣтить здѣсь нельзя. Интересы къ бѣлорусской этнографіи больше всего въ Витебскѣ и Могилевѣ, въ Смоленскѣ мало. Около Смоленска на значительномъ разстояніи, въ виду массы желѣзныхъ дорогъ, бѣлоруссы теряютъ особенности своей народности и постепенно приближаются къ великоруссамъ; то же наблюдается и въ бѣлорусской рѣчи возлѣ Смоленска. Я пожелалъ послушать, какъ говорятъ бѣлоруссы къ востоку отъ Смоленска. Остановившись въ Духовской, я встрѣтилъ здѣсь лишь одного человѣка, который, говоря по-великорусски, все же дзекалъ, и лишь въ селѣ *Спасъ-Твердилшцы* Смоленскаго уѣзда (въ 12 верстахъ отъ Духовской (отъ ст. Придвѣпровской въ 6 верстахъ) можно было слышать рѣчь, изобилующую бѣлорусскими особенностями, по крайней мѣрѣ въ языкѣ стариковъ, женщинъ и вообще мало бывавшихъ въ другихъ мѣстахъ жителей. Изъ данной мѣстности у меня отмѣчено: дзеканье и цеканье у меньшинства, отсутствіе смѣшенія *p* твердаго и *p* мягкаго, *г* = *h*, *ци* при вопросахъ, *ѣ* изъ *л* и *у* — *в* (быѣ, піѣ, ѣмерѣ), 3-ье лицо на *-ць* (нясець, любиць), смѣшеніе дат. и твор. мн. ч. и др. черты (перша вм. прежде, якъ вм. какъ, нясѣ, сясѣ, домѣ гарадѣ, вѣкны, протасѣи, партэсы = хоругви, напіѣся, отхѣгай = открой, захутѣй = закрой, напр., дверь, гѣлавѣ, Гѣнна). Одежда у здѣшнихъ бѣлоруссовъ уже больше великорусская. Очень смѣшанное населеніе въ восточныхъ частяхъ Дорогобужскаго, Ельнинскаго и Рославльскаго уѣздовъ. И типъ населенія, и костюмы, и рѣчь здѣсь разные. Въ Рославльскомъ уѣздѣ мнѣ приходилось бывать въ разныхъ мѣстахъ. Возлѣ шоссе въ большинствѣ случаевъ говорятъ по-великорусски. Подобное же можно наблюдать и въ захолустьяхъ на востокѣ. Я посѣтилъ хуторъ *Никольскій* помѣщика Баженова, находящійся на границѣ Рославльскаго, Жиздринскаго и Брянскаго уѣздовъ, недалеко отъ р. Десны. Костюмы населенія чисто великорусскіе; въ рѣчи есть бѣлорусскія особенности (ти будзе, мужукі, не

могѣмъ и под.), но преобладающимъ является великорусское произношеніе.

Кстати отмѣчу, что въ прежнее время бѣлоруссовъ въ Смоленской губерніи было больше: въ „Спискахъ населенныхъ мѣстъ по свѣдѣніямъ 1859 г.“ (Спб. 1868, стр. XLIX) бѣлоруссы показаны и въ западной части Вяземскаго уѣзда: „населеніе же граничной полосы носить на себѣ характеръ переходный отъ бѣлорускаго племени къ великорусскому“, т.-е. въ 1859 г. въ западной части Вяземскаго уѣзда наблюдалось то же, что теперь въ восточныхъ частяхъ Дорогобужскаго, Ельнинскаго и Рославльскаго уѣздовъ.

На восточной границѣ меня особенно интересовали бѣлоруссы въ Калужской и Орловской губерніяхъ. Что касается Калужской губерніи, то оказалось, что бѣлорусскія особенности проникають отчасти въ рѣчь лишь населенія самыхъ западныхъ окраинъ Мосальскаго и Жиздринскаго уѣздовъ, да и здѣсь преобладаетъ все же великорусская рѣчь. Бѣлорусскія особенности языка, напр., жиздринскихъ палѣхъ, часто исчерпываются лишь отдѣльными словами; здѣсь даже дзеканья нѣтъ. Въ 3-хъ верстахъ отъ ст. Крапивны (на шоссе) есть с. *Шуи* Мосальск. уѣзда. Казалось бы, что здѣсь должны быть бѣлоруссы; но, какъ показало мое наблюденіе, мѣстные жители говорятъ чисто по-южновеликорусски; бѣлорусскія, быть можетъ, здѣсь лишь „отхұтай“, „опрянся“. Въ соседнихъ мѣстностяхъ къ западу уже „тикають“, т.-е. въ вопросахъ употребляютъ *ти* (Каханы), знаютъ *ў* на мѣстѣ *л* („наѣўся“ въ Заболовѣ), употребляютъ и другія бѣлорусскія слова („отчины фортеу“ въ Желонской волости). Больше бѣлорусскихъ особенностей въ рѣчи за Мокрыми Жиздрин. уѣзда къ западу.

Что касается Орловской губерніи, то здѣсь бѣлоруссы оказываются лишь въ западной части Брянскаго и Трубчевскаго уѣздовъ. Въ первомъ вполне типичные бѣлоруссы по виду и языку оказываются лишь въ Акулицкой и Лутенской волостяхъ. Вотъ нѣсколько замѣтокъ, сдѣланныхъ въ с. *Акуличахъ*, имѣющихъ значеніе для сужденія о языкѣ: несѣць, дзѣци, могѣць, ў однѣй руцѣ, конь, глыбѣкій, галава, льлю, цана, яѣчки, мужуки, висѣкій, тысяча рублѣў, дзираўвий, маладнѣ (= молнѣя), салѣткій, конь иржѣць, ирвѣць, ўнузь, ўю, ўсей, моўчѣць. Вездѣ звукъ *и* = *h*, *р* твердое не смѣ-

шивается съ *p* мягкимъ, дзеканье и цеканье, хотя замѣтна склонность и слишкомъ мягкимъ *d* и *m*, при преобладаніи *dz* и *ц* мягкихъ, *ци* въ вопросахъ. Вотъ еще нѣсколько записей отсюда же: Иллѣ, Ягѳорья, вижу, ражѣць, ў другой такей жѳнѣки, восень, возеро, вумъ, палцы (но рѣдко), купаўся, пошоў двѳору (dat. finalis: ср. „надо скорѣй идить двѳору, штобы затимна быть дома. Смол. (Добров.) Словарь, изд. Акад. Н., затемно), нѣ=нѣтъ, немашь, два стальы, на аднѣй назѣ, мамъ, баць, цѣтъ и т. д. — звательныя фѳормы, ѣтѣй, тѣй, майгѳ, ѳнъ—ивѣ—ивѣ (средн. р.), янѣ, ўси, ўсихъ, двѣнатцаць, асѣ, дасѣ, несѣць, но знѣиць, хвѣлицъ, ѳсць, баляць, вѣсказаць. — Народныя пѣсни имѣются разныя, но поютъ ихъ больше женщины. Послѣднія впрочемъ стѣснялись спѣтъ мнѣ что-нибудь. Нашелся болѣе смѣлый мужчина, но онъ пѣлъ не типичныя бѣлорусскія пѣсни, а больше великорусскія, хотя и на бѣлорусскій ладъ. Вотъ нѣсколько его опытовъ:

- 1) Зарадзіла ягада ў шіромъ бару,
Заблудзіла красная дзявіца, ў цѣмномъ лясу.
Приблудзілася къ рѣчки къ Дунаю,
Паклікала красная дзявіца сабѣ пирявѳсць:
„Пирявѳчикъ, пѣрень маладой,
„Пирявѣзі минѣ на той бокъ рѣкѣ“.
— Красная дзяўчѳнка, дѳрогъ пирявѳсць,
Па пяці рублей съ палцѣнаю нашъ пирявѳсць.
„Што хацѣце, то вазьміце,
„Тольки минѣ пирявѣзіце“.

- 2) Ты крапива, ты крапива, ты крапивица,
Ты крапивица зяляненькая,
Ты зялёная качурявая,
Ци ўси луга прѣзлялёнѣвала,
Ци ўси сцежачки-дорожачки,
Майго мѣлаго пирахѳдачки.
Гѳниць милый табунокъ лошаездей,
Уси кѳники варѳненькія,
Адзинъ кѳничакъ буланенькій,
Идзецъ гѳлаву павѣсіўши,
Ясны глазушки заплаканыя.
„Што ты, коничекъ, змуцѣнъ — нѣвясель?
„Или я цибѣ мало сѣна даваў,
„Или мало аўуса засыпаў“?

Объ пѣсни не окончены. Пѣвецъ (Павель Стеф. Шестаковъ) свою забывчивость объяснилъ тѣмъ, что „цѣперь ума нямношки надасцтаецъ“.

Въ *Брянскѣ* на рынкѣ встрѣчалъ крестьянъ дзekaющихъ и произносящихъ *ў* вмѣсто *в*. Костюмы у нихъ были больше бѣлорусскіе, наружность тоже. Отъ мѣстныхъ жителей приходилось слышать, что вообще бѣлоруссы съ ихъ особенностями попадаютъ до самаго Брянска, точнѣе до р. Десны.

По желѣзной дорогѣ изъ Брянска до Почепа и дальше до Гомеля тоже все попадались бѣлоруссы, особенно въ Черниговской губерніи. Постройки вездѣ бѣлорусскія, вытѣсняемыя кое-гдѣ великорусскими. Изъ Почепа на лошадяхъ предпринималъ поѣздки по Трубчевскому уѣзду. Несомнѣнно, что въ прежнее время бѣлоруссы простирались на востокъ до Десны, но въ настоящее время они не вездѣ доходятъ до этой рѣки. Во всей области отъ Почепа до Десны дзеканье и цеканье слабо развиты, или даже совсѣмъ отсутствуютъ; *ў* изъ *л* въ извѣстномъ положеніи ближе къ *в*, нежели къ *у*; въ вопросахъ обыкновенно *ци*. Вотъ нѣсколько наблюденій въ языкѣ, сдѣланныхъ въ с. *Семитъ* (въ 12 верстахъ къ юго-востоку отъ Почепа): дзѣци, идзецъ, ня(е)сець, бывъ, поѣдавъ, ишовъ, узавъ, унукъ, гавару (рѣдко), но царь, старяютца, галава; кое-кто говоритъ „високій“; злый, сляпій; той; у тѣй рудѣ, на назѣ; звательныя фѣрмы типа: мамъ, татъ, Софѣй; Пилипъ, Хведаръ; ня(е)су, ня(е)сешъ, ня(е)семъ, ня(е)сѣця, ня(е)суць; *в* иногда заходитъ въ родительныя мѣстоименій: чаво, моево; Илля, вя(е)сѣлле, божья дзѣла; какія табѣ дзѣла? мя(е)не, ця(е)бѣ (род.-вин. п.); якъ. Сосѣди великоруссы по Трубчевску называютъ здѣшнихъ бѣлоруссовъ хохлами, но ничего малорусскаго у нихъ нѣтъ (напр. *э* и *и* вм. *е* и *і*). Нѣсколько отдѣльныхъ словъ съ особымъ значеніемъ: гѣрка (кружка), юпка (зипунъ), кишень (карманъ), пѣга (кнутъ), унѣдзицца (испугаться), укромъ (горячая вода), мя(е)ртвякй (мертвецъ), цѣхи (носили для мертвецовъ и хоругви для сопровожденія покойниковъ), цвинтѣрь (церковный погостъ), званиць (колоколить). Въ народѣ еще до сихъ поръ, кромѣ свадебныхъ пѣсенъ, можно слышать пѣсни колядскія и на день Ивана Купалы.

При опредѣленіи бѣлорусской границы по Черниговской губерніи я прислушивался также къ такъ называемому диф-

тонгическому произношенію нѣкоторыхъ гласныхъ. Особенно привлекалъ меня въ этомъ отношеніи Городнянскій уѣздъ. Однако мнѣ пришлось разочароваться: здѣсь дѣло съ дифтонгами повидимому такъ же обстоитъ, какъ и въ Гродненской губерніи, т.-е. дифтонгическія написанія передаютъ здѣсь лишь *o* узкое, склонное къ *y*, и *e* узкое, склонное къ *i*. Такое заключеніе составилось у меня по крайней мѣрѣ относительно говоровъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ я производилъ наблюденія (Городня—поселеніе недалеко отъ желѣзнодорожной станціи, с. Жабчичи, верстахъ въ 8 отъ желѣзной дороги, и возлѣ другихъ желѣзнодорожныхъ станцій отъ Хоробичъ до Сновской, а также возлѣ м. Любеча). Во всѣхъ названныхъ мѣстностяхъ говорятъ по-бѣлорусски, но безъ дзеканья и цеканья, дѣти впрочемъ подчасъ дзекали. Везшій меня человекъ изъ Городни при вокзалѣ между прочимъ говорилъ: нема, пѹга е тамъ, торгѹўля, Терехуўка (ст. Тереховка), Мугилѹўски, добры садъ, иде ў чысь, я(е)кій; аканье вообще умѣренное. Сосѣдніе малоруссы называютъ здѣшнихъ бѣлоруссовъ „литвинами“, „перевертнями“. Последнее названіе особенно любятъ прилагать къ жителямъ м. Любеча, разумѣя здѣсь подъ „перевертнями“ не малоруссовъ, но и не чистыхъ бѣлоруссовъ. Дѣйствительно, населеніе Любеча смѣшанное, но преобладаютъ бѣлоруссы; въ сосѣднихъ — Петрушахъ и Рѣпкахъ малорусскій элементъ имѣетъ преимущество. Радуль населенъ больше великоруссами; по сосѣдству въ Лопатняхъ уже дзекаютъ. Въ Любечѣ перѣдкость и э вм. *e* и *и* неумягчительное, но вообще преобладаютъ *e* и *i*. Смѣшанный характеръ рѣчи въ Любечѣ зависитъ, вѣроятно, отъ того, что это большое мѣстечко (есть много и евреевъ), служащее торговымъ центромъ для окрестнаго населенія, привлекающее послѣднее сюда также и пещерой св. Антонія; здѣсь же имѣніе гр. Милорадовича; на площади очень хорошій памятникъ императору Александру II.

Знакомство съ говорами Могилевской губерніи я началъ съ юга и побывалъ въ разныхъ ея мѣстахъ. Оказывается, что наблюденія Романова относительно ея говоровъ, вообще говоря, правильны, но нѣкоторыхъ тонкостей, которыя въ свое время записаны были у стариковъ, теперь наблюдать нельзя: усиленіе школь, развитіе сообщенія между захолаустными мѣстами, особенно съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, содѣйствуютъ

сглаженію мелкихъ отличій и выработкѣ болѣе общихъ типовъ. На самомъ югѣ иногда отсутствовало дзеканье и цеканье (около *Тереховки*), но зато можно было слышать слишкомъ мягкіе *д* и *т*; изрѣдка можно было наблюдать, что одно и то же лицо, начавъ дзекать, переходило на *д* и *т* мягкіе.

Возлѣ Гомеля къ сѣверу — умѣренное аканье, дзеканье, твердое *р* и *т*. п. Данныя для нѣкоторыхъ заключеній объ этомъ говорѣ могутъ дать наши наблюденія въ селѣ *Красномъ* Поколюбужской волости, къ сѣв.-зап. отъ Гомеля въ 7 верстахъ. Мѣстное населеніе туземное, чисто бѣлорусское. Ня(е)сѣ, гавѡра, пяѣ, хвѡля (3 л. ед. ч.), спиць. Ъ подѣ удареніемъ произносится какъ *е*, безъ ударенія же какъ *е* и *я*, что зависитъ отъ мѣста въ слогѣ и отъ другихъ причинъ. Говару́, цару́; быў, унѣкъ, узѣу́; гавѡруць; виджу́; злы, сляпѣ (имен. п. ед. ч.), но, по замѣчанію мѣстнаго учителя, говорятъ и злѣй, сляпѣй; той, увѣсь; на назѣ, на капѣйцы; гѡны; ѣнь — инѡ — янѡ, яны; вѣлица; купѡу́ся, пѡесь и пѡисъ; пѣяць, авѣсь; мужукѣ, моѣ рѣки; уси сталѣ; неопредѣленное всегда на-*ци*; я пайдѣ жуѡци; здаў, жуу́; ѣнь (мужъ) такѣ, якъ я, у ваднѣхъ гадѡхъ; ураджай харѡшы рѡстамъ и умалѡтамъ; дзяўчаты пѣюць; ахоты не было и у маладѣя пѣць, а циперь и соўсімъ нимѡ; кѡцикъ сѣронькѣй, кѡцикъ бѣлянкѣй, у люлюку не ходзі, дзиця ня будзі; ня знаю я болѣй ничѡго; ѣсцака яще; у мине два сѣна, абѡя ў кѣчы со мной; у ваднаго троя дзяцѣй, а у ваднаго адно; нявѣстки жнуць, а ўнѣчки яще малы; ўнѣчки дзяцѣй няньчаць; аднѡ няздарово, нѣякъ изъ рукъ нѣйдзець. Зямлѣ цягло; кѡльки доўжынѡю и кѡльки шырынѡю; чатѣры паласѣ ў змѣнѣ. Хѣба свой хлѣбъ ня хвѡця; циперь 31 рублей аддѡли; сяголѣта абъ сваѣмъ асталися, та й скупо бѣдзе; кали у кармани ѣ, то й хвѡця; скоцѣна много хлѣба зѣдаѡя, требо сѣна наклѡсци и боўтухи, вядры два вады и муки фунтоў восьмѣ. Мѣдъ ѣ, да ня язимъ.

Поднимаясь дальше къ Могилеву, наблюдалъ только усиливающееся аканье. Очень странно произносятъ названіе своего губернскаго города: Мигилѣвъ, Мугилѣвъ (Жлобинъ мѣстечко). Въ Могилевѣ на рынкѣ въ народной рѣчи былъ пораженъ крайнимъ аканьемъ: даже *е* ударяемое (изъ основного *ъ*) произносили почти какъ *а*, въ отрицательныхъ отвѣтахъ ясно слышалось *неа* вм. *нѣ*.

Вотъ еще нѣсколько наблюдений, сдѣланныхъ мною на самомъ сѣверѣ Могилевской губ. на границѣ со Смоленской — село *Микулмино* Оршан. у. (въ 10 верстахъ отъ ст. Рудня). По́исъ, (г)лянь, по(г)лядзи, каляда, зылатэй, сляпэй, другёй, хоць, галава́, по́лымя, криві́, глытаць, глатнўў, мыладэй, Бу(ть)гародзица, на жо́утымъ пяску́, адзёжа, хростъ (крестъ), памёръ, памёрла, дзёшева (произношеніе стариковъ), моё (ср. р.), гнёзды, вёдры, звёзды, магёмъ, пякёмъ, ёжыкъ, мижь ихъ, прамёжь ихъ, зямля́, пшани́ца, сирабро и сирабро́, ми́ливкый, пи́ряки́вима, ў сира́дў, сирида́, дзѣтъ, у синя́хъ, ў сянёхъ, нявѣсты́ка, хўсты́ка, па́стыка (ловушка), но́сиць, ро́ги зылатэ́я, дзира́вый, салотквй́, ётка́я ва́кно́, ёта ва́кно́, майго́, твайго́, уто́ракъ (вторникъ), ирва́ць, иржа́ць и т. д., ўпрукъ, ўля́сь у мѣхъ, уватри носъ, повинъ и поўны; преобладаетъ *p* мягкое на мѣстѣ стариннаго *p* мягкаго, но бываетъ и твердое: царь и царъ, гывару́; *p* мягкое иногда даже на мѣстѣ стариннаго твердаго *p*: стыра́цца. По утверждению моихъ экспертовъ, старики предпочитаютъ твердое произношеніе. Бью́, пью́, галубо́, пиць, дзѣ́ци; ны Гилью́, вяселья́, божы́я дзѣ́ло, судзьдзя́, рыбо́я, Дзямя́ннъ, саўю́, солью́, зыи́жжаць, ви́жу, вища́ць, дощъ; отъ мяне́, зъ́ јимъ; дузѣ́, дзѣ́ўцы, ны стяхѣ́ („на стрѣ́сѣ“ не говорятъ), во́зира, вумъ, ву́лица, вось, но паўкъ. Пили́пъ, Ё́ска, Во́сипъ, Хо́мка, Хо́доръ, хунтъ. Па́лцы (говорятъ только старики); купаўся́, дзѣ́ўка, дзиця́ купальсы́; средній родъ у причастія на *-нъ* утратился; хызы́ннъ, хлыпаты́ (старики скажутъ „клопотъ“); ёсь = есть; лѣ́кшій, пуццй́, пѣць — пяю́; ча́а ты = чего ты? нѣ́ — нѣтъ, нима. Ишо́ў съ сыба́кымъ; ўсе́ ста́да падо́хла; два ста́лы, дзвѣ́ нагі́, два ся́лы; нѣ́тъ творительнаго на *-ма*; во множественномъ ч. *ы* и *и*; то же и въ среднемъ родѣ: варо́ты, ся́лы. Ци видзі́ў ты ко́ній? пайдў́ вазьму кане́й; служи́ць паномъ́; служи́ў старшиномъ́ (твор. п.); бы́ў ў шта́нахъ, ў лапцёхъ и т. д. Встрѣ́чаются формы звательнаго типа — тать, мамъ, Сце́пъ и т. д. Сто́льки дзяло́ў, място́ў, кане́ў, рублё́ў; ў гасьце́хъ, людзёхъ, ў сянёхъ и т. д.; пыры́ся, циля́, дзиця́; ма́ци, но чаще ма́гка, дычка́; табѣ́, сабѣ́, тэ́й — тѣ́я (всѣхъ родовъ). Ё́ннъ — ина́ — яно́, яны; зъ́ јимъ; тоя́ — се́я; увесь; ни́ўодзинъ; вы́шли ў пяце́хъ; ў мо́крыю паго́ду; яси́, дасі́, нясе́ць, умѣ́иць, хва́лиць, дадзёмъ́ и дадзі́мъ; пець; нясучи́, идучи́; йшо́ў, па́сціў́ и па́сциві́ў. Отъ глагола „вы-

нуць“ — я вѣшю, мы вѣнили; певня (навѣрно), попеўнилась (удалась), зрадлилась (не удалась); въ Любавичахъ говорятъ: „слиба“ = если бы, пилёсы = полосы ів. Чуць-чуць выдыбаў зъ балота Микул.

Наибольше разнообразія и интересныхъ особенностей представляютъ бѣлорусскіе говоры по южной границѣ Бѣлоруссіи. Переѣхавъ у Любича Днѣпръ, я направился на западъ на Мозырь и далѣе. Нѣкоторыя изъ замѣченныхъ мною особенностей уже сдѣлались предметомъ спеціальныхъ работъ, которыя современемъ будутъ напечатаны; другія же еще недостаточно выяснены и поняты мною и нуждаются въ новыхъ дополнительныхъ наблюденіяхъ, которыя и думаю предпринять въ ближайшемъ будущемъ. Пока нахожу возможнымъ подѣлиться со спеціалистами сырымъ матеріаломъ.

М. Брагинъ, Рѣчицк. уѣзда. Дзеканье и цеканье въ полной силѣ. Царá, говарú, виджу, уроджа́й, ўзяў, купаўса, нясе́, гаво́рэ, спиць, нясу́ць, ву́лица. Э вм. е не встрѣчается; смѣшенія и и ы тоже не бываетъ, но високій; пъяць, авѣсь, мъя́со, па́мьяць и т. д. Одъ менé; по́есь, гледжу́; сляпы́, глухі; во́зеро, вумъ: па́лцы, си́лно, стралцы́; во́йсько, же́ньскій; той, у тэи (род. п. ед. ч. жен. р.); ро́зумъ, абóдва, ко́ляды, што́ники, бра́теникъ; ёнь—енá—енá (и вонó, но рѣже); глыта́ць, глыбо́кій, крыві́, бляха́; сува́ць, кува́ць; у чистумъ по́ли, гэты́; идóмъ, могóмъ, пекóмъ, паніо́(ё)сь; ильну́; пше́ница; перакі́немся; Илля́, вясéлле; бо́жа дзё́ло; ацё = еще; иногда: дзё́дъ, лёсь; бяда́, цана́, рака́; ёнь нóсе; бува́й зда́роў; кўра, гуся́ (имен. ед. ч.); съ старшино́мъ, зъ дзяцькомъ; два стали́; абѣ́дзвѣ назѣ́; три ся́лѣ; очы́ма, плячы́ма и т. д.; па́сциць валы́, пара́ закладáци ко́ни; звательные падежи встрѣчаются только отчасти (ма́тко, Бо́жухно, ба́ццухно); касцэ́, мужикé, облакé; дат. п. ба́цькови, сы́нови; род. мн. ч. рублёў, канёў; служи́ць панóмъ, господарóмъ; ў́ панóхъ, госпадарóхъ. ў́ гасцэхъ; мого́, твого́, свого́; увéсь, увсей, ўсе́, усе́хъ и т. д.; именит. мн. ч. моé, твоé; адзінáнцаць, дванáнцаць; идзець (2 л. мн. ч. повелительн. н.), ходзéмо, уцекаймо, ѣжмо; не́сциму, ѣ́сциму, хвали́циму. Пўга е? Нетра = дебрь.

Такая же, какъ въ Брагинѣ, рѣчь и въ *Хойникахъ* Рѣчицк. уѣзда. Умѣренное аганье, звукъ *дж* на мѣстѣ *dj*. Къ предыдущему можно прибавить: аддасцэ́(ё)це (= отдадите), цѣрциме

(=будеть терѣть), бра! (=братъ), хуцѣнько (=поскорѣе), нимава́дъ куды́ (=неизвѣстно куда), пуль (=пыль).

Въ г. *Мозырь* въ рѣчи простого народа сказывалось сильное оканье, но другія особенности были бѣлорусскія. Еще у меня отмѣчено: гиньшій (=иной), висѣко ўже бѣдзе, прыѣжджа́ў, усѣй городъ объѣздзіў, хватагонь (фаэтонъ).

М. Петриковъ, Мозырскаго уѣзда. Бо́ушый (=большій); здержаўса, згаварылисэ; руській; дзеканье и цеканье; на мѣстѣ стараго *ь* слышится звукъ, приближающійся къ *и*, но все же не *и*: поѣ(і)ду, собѣ(і). Выдающаяся особенность данной мѣстности и сосѣднихъ къ востоку въ Рѣчицкомъ уѣздѣ—появленіе вполнѣ явственнаго *у* на мѣстѣ *ы*: вѣшў, горадавуя (имен. мн. ч.), пошли му у гóрадзи Кременчугу, вѣдуць и одберуць, вѣпіў кручо(у)къ вѣтки, плуты́ (изъ плиты́ — плоты), абу живого пусціли, мой плуць: сюда не относится бу́ло (лѣтъ было 19); *р* твердое: рѣмочку. Другія особенности: рубашки тые, шкѣру облѣпиць, рэту́й (ратуй — спасай), рубашку ў шма́цця, привьѣзь, дóрого сілно.

Подобное произношеніе *ь* приходилось слышать и въ *Ляховъ*, Мозырск. у., при другихъ чисто бѣлорусскихъ особенностяхъ: поѣ(і)хаў, даже копіекъ.

Лунинецъ и м. *Лунинь*, Пинск. у. Рѣчь вообще бѣлорусская; однако сосѣдство малоруссовъ сильно замѣтно; больше малоруссизмовъ въ рѣчи мужчинъ, нежели женщинъ. Вотъ нѣсколько наблюденій изъ этой мѣстности: захоці(і)ў бы оддаць, то, я хочу узнáць, ми(е)сяць, пьяць, не дзи(е)лаў, не ражжѣўса на грошы, не водзилисэ, бабъ сэ пьяць, скульпъ гѣто вѣшло, оммáномъ написáў, такъ сáмо тамака, я суджѣса, нихай его чортъ заборѣ (=возьметъ). Замѣтна склонность къ оканью, извѣстно и твердое *э* вмѣсто *е*, но только послѣ губныхъ. Ясныхъ *и* вм. *ь* и *ы* вм. *о* въ слогахъ ударяемыхъ закрытыхъ нѣтъ (подобное произношеніе можно слышать только отъ побывавшихъ у малоруссовъ). Въ сосѣднихъ селахъ и деревняхъ очень много разнообразія въ рѣчи. Очень смѣшанная рѣчь при ст. *Лунинецъ*; часто даже не слышно дзеканья. Здѣсь отмѣчено: полядáешъ.

С. Дятловичи, Пинск. у. Населеніе бѣлорусское, хотя сосѣди называютъ дятловцевъ хохлами, да и сами они не считаютъ себя литвинами; бѣлоруссовъ другихъ мѣстъ они на-

зываютъ „босьяками“. Въ рѣчи, какъ и у жителей Лунина, иногда сказываются малорусскія особенности; впрочемъ на малорусскій ладъ чаще начинаютъ говорить бывалые мужчины, при чемъ часто безразлично допускаютъ особенности той и другой рѣчи: такъ одинъ крестьянинъ спросилъ у своей снохи: „дэ вы дзѣли?“ и, когда та не разслышала его вопроса, то повторилъ его уже въ видѣ: дзѣ вы дзѣли?“ Приближаетъ къ малорусскому разсматриваемый говоръ и изрѣдка встрѣчающееся появленіе *ы* на мѣстѣ *о* ударяемаго въ слогѣ конечномъ закрытомъ, а иногда и въ серединѣ; впрочемъ я слышала только быхъ: быхъ тобѣ даў; вынъ: недзи далече вынъ живѣ; двырѣ; кынъ; пыйдзе; рядомъ съ такимъ произношеніемъ можно было слышать и обычное съ *о*. Къ малорусскимъ особенностямъ слѣдуетъ отнести и довольно рѣдкое появленіе на мѣстѣ *ь* звука и(е): дзи(е)дѣ, цы(е)на, хли(е)ба, нали(е)во, сли(е)пы, дзвыи(е) сели(е), а ци я ви(е)даю, ули(е)зь уми(е)хъ; опять таки и здѣсь обычный звукъ *е*, даже не дифтонгъ, на мѣстѣ *ь* преобладалъ. Вліяніемъ сосѣднихъ малорусскихъ говоровъ слѣдуетъ объяснять и появленіе *э* вмѣсто *е*, но только послѣ губныхъ согласныхъ; иногда *э* послѣ губныхъ даже на мѣстѣ *ь*. Остальныя черты чисто бѣлорусскія: дзеканье и цеканье въ полномъ ходу, *р* твердое вмѣсто *р* мягкаго и др.; какъ въ южномъ говорѣ — оканье, часто сжатое *о* и т. п. Все сказанное выяснится изъ приводимыхъ ниже примѣровъ: подзякуваў, пбесѣ, коледá, глédзючы, вуонь, ў чістумъ пóли, мэдъ, умэрла, несé, ще (=еще), що (=что), буваў, бувай, ильняны, иржаць, утóрокъ (=вторникъ), унукъ, удова, мъясо, пъяць, спьяць, Иля, вэсэле, раджу, дожджикъ, мэжа, зрожай (урожай), кушэць, чмэль, нигóдинъ, ўбóсень, озьмі, пáлцы, сійно, кушаўса, домóў, долóў, кудю, тудю, нимáмака, нимá, зват. пáне (особенно любятъ употреблять въ разговорѣ это слово), панóчэу и др., увэсь, чістэ пóле, спиць, идзéмо, ходзéмо и т. д., несцїму, спъяць, нимá, не растúць, есць трóшко, обобра́лиса, хорóшіе лоша́дзэ; разъ встрѣтилось *э* и послѣ *д*: вэсь ми(е)сяць цéнгле дощъ идэць. Нигодного году грыбї такъ не росли, якъ начали гэтого году росци. Тацяно! тóрбу пушукáй. Ма́ци пушлá. Семáйны. Ле (=для) себэ трóхо насушыць. По радзю́шку пышлá. Несі. Мўхи страхъ якъ кусаютьца. Трóшке не такъ будуць круціцца. Цепэръ сáмые

мѹхи. Штобъ на цебѣ по вѣтра. Которы зарабатюць. Учельники не хоцяць бояцца. Тры версцѣ. Куго? На вулахъ. Есць. Обурваў нѣдзи. Гэты самыя вужэ и па вудзѣ (= по водѣ) хѣдзяць. Орѣхъ. Уй штобъ (а раньше было штобъ) ёго. Тамъ на поле трохо вѣдомъ. Тольки помѣщикъ не лядзиць на свѣто. Пѣтухъ называется „кабанъ“, скоть — „товаръ“, густо — „глупо“. гробъ — „домовина“, ей Богу — „боце“.

М. Шерешово, Пружанскаго уѣзда. Разсмотрѣнiю особенностей языка этого мѣстечка посвящена цѣлая статья А. Салтруковича, напечатанная въ „Материалахъ для изучения сѣверно-малорусскихъ говоровъ, а также переходныхъ отъ бѣлорусскихъ къ малорусскимъ“, № 9, проверенная мною лично во время поѣздки 1903 г.; тутъ поэтому почти ничего не придется прибавлять. Особенно выдающимися чертами оказываются: оканье, твердое *э* послѣ губныхъ, *т* твердое въ 3-мъ лицѣ ед. и мн. ч. глагола, конечно, если оно совсѣмъ не отпадаетъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ: вона (она), благѣньнее жѣто, удѣкъ, за тые вѣксале, судзѣю, однае матки, 80 годоў, одѣжджае, хочъ па крѣси (повнемногу) нихай узѣскивае, зъ заилѣю, вони ўсѣ пры мнѣ, памѣрь, сыновѣ (ср. р. ед. ч. прилагательнаго), бѣзъ двоухъ снопоў, умѣшвацимудца (стануть вмѣшиваться), екъ я на той чацвертѣси, ето имъ мало, мѣнѣ остаѣвили, разбѣли дзверѣ (двери), удовѣць, муляў (говориль), хѣчеце — живѣце (= если хотите, то живите).

С. Бѣловѣжъ Пружан. у. въ центрѣ Бѣловѣжской пуци. Не только простой народъ, но даже и интеллигентныя лица вм. Бѣловѣжъ говорятъ „Баловѣжъ“, такъ что, быть можетъ, производство названiя села отъ бывшей будто бы здѣсь когда-то Бѣлой вѣжи и не на чемъ неосновано. Составъ населенiя — когда-то бывшiе стрѣлки, набранные въ разныхъ мѣстахъ; теперь преобладаютъ бѣлоруссы. Взрослые и дѣти дзекаютъ и цекаютъ, окаютъ, хотя и не всегда, кое-гдѣ знаютъ дифтонги, послѣ губныхъ *э* вм. *е* и т. д. Примѣры на разные случаи: двѣры, бѣрѣ, двѣоръ, бѣоръ, нюось, дзѣтѣ (одинъ изъ моихъ экспертовъ, обучавшiйся въ народномъ училищѣ, дифтонговъ не произносиль), двѣра, голова, говорѣ, царѣ, бѣў, хадзѣў, узѣў, поѣхаў ў лѣсь, ў рутцѣ, купѣўса, гѣлица, дощъ, раджаць, пѣлцы, несе, умѣе, спиць, лѣбиць; тамъ хоронгѣўки

(флаги) е постаўлены; въ составное сказуемое, какъ и въ послѣднемъ примѣрѣ, обыкновенно входитъ *e* (= есть); пераскѣчыць (перескочить), пасѣю, завѣсть, спалохалиса, слѣда кўньскаго, тріехъ (вполнѣ явственно *ie*) мѣдзвѣдзей убили, ўўжджаемо, коневи (дат. п.), бульшъ, удзѣлный, мо увидзимо (можетъ быть увидимъ), зўбаръ (всегда вм. зубръ), мѣякая, завюль, зубрѣ (им. п. мн. ч.), воны, кўнчили.

Отличительная особенность говоровъ бѣлорусскихъ на крайней западной границѣ—сравнительно большее количество полонизмовъ, что и естественно, такъ какъ сосѣдями бѣлорусовъ здѣсь оказываются поляки, вдобавокъ такіе же католики, какъ и въ большинствѣ случаевъ здѣшніе бѣлоруссы. Народъ съ трудомъ различаетъ народность, но никогда не смѣшаетъ православнаго съ католикомъ; всякаго католика онъ обыкновенно и называетъ полякомъ. Если простолюдина бѣлоруса здѣшняго изъ католиковъ спросить, почему онъ не говоритъ по-польски, если, по его словамъ, онъ полякъ, то онъ отвѣтитъ, что онъ челоувѣкъ простой и по-пански, т.-е. по-польски, говорить не научился. Единственное мѣсто, гдѣ онъ изучаетъ польскій языкъ, это костель, въ которомъ дополнительное богослуженіе и проповѣдь обыкновенно происходитъ на польскомъ языкѣ (слыхаль, что бывали и отступленія въ пользу русскаго языка), общеніе съ костельнымъ клиромъ, а также исповѣдь исключительно на польскомъ языкѣ.

У меня имѣются замѣтки, сдѣланныя въ *Хорошъ* Бѣлосток. уѣзда (въ 14 верстахъ къ зап. отъ Бѣлостока на р. Наревѣ). Земли эти еще въ XV в. принадлежали Супрасльскому монастырю и слѣдовательно уже въ старину здѣсь было бѣлорусское населеніе. Сосѣди мазуры даже отчасти по эту сторону р. Нарева. Въ рѣчи бѣлорусскаго населенія много польскихъ словъ, да и въ бѣлорусскихъ удареніе часто на второмъ слогѣ съ конца, какъ въ польскомъ. *O* не обращаютъ въ *a* въ случаѣ его безударности отчасти подъ влияніемъ польскаго же языка. Въ отдѣльныхъ словахъ слышится *и* вм. *ч*, впрочемъ *и* съ шипящимъ отгѣнкомъ (свѣц(ч)а, пец(ч)ъ); будущее часто на —лъ +буду (буду прасіў). Бѣлорусскія особенности видны изъ слѣдующихъ примѣровъ: слѣпы, злы, блыха, глыбѣки, у жоўтумъ песку, ёнь—яна—яно, зямлі, у лѣси, цѣ(а)на, рѣ(а)ка (въ предупредительномъ слогѣ довольно не-

ясный звук), збиралися, купаўся, ўнукъ, ўдава, у вагонъ, царъ, говорю, м'ясо, п'яць, виселе(я), судзя, проходжуся, дожджа, гулица, говёсь, гоўца, мужикёви (хотя вообще подобныя формы здѣсь рѣдки), я быў на печъ, винит. падежи мѣстоименій личнаго и возвратнаго: ме, це, се—я це видѣў (вліяніе польскаго языка), мояго, твояго, мяя, моё, твоё, што, полечу, несё, спиць, умѣе, хвалицъ, мохчы, пачы, повелит. н.: хвалёце, несёце; е=есть; будземъ.

М. Суховоля Сокольскаго уѣзда. Бѣлорусскій говоръ въ общемъ такой же, какъ и у Соколки. Населеніе у себя дома обыкновенно говоритъ по-бѣлорусски и лишь при встрѣчѣ съ ксендзомъ и отчасти съ другими интеллигентными лицами стараются употреблять польскую рѣчь. Приѣзжему наблюдателю бросается въ глаза будущее изъ *буду* + — *ль*. Другія черты какъ и въ сосѣднемъ Гродненскомъ уѣздѣ. Дифтонговъ не замѣчалъ, но *у* вм. *о* въ слогахъ закрытыхъ безударныхъ дѣло обычное (ў чістумъ полі). Приставочное *в* не *и* (вёсень, вўлица).—*Са* тоже нѣтъ (буду купаўся). Есць. Лиць, говорящихъ иначе, нежели они, называютъ „шкоць“.

Въ верстѣ отъ ст. *Новокаменной* живетъ колонистъ изъ бывшихъ лѣсниковъ, католикъ. У него въ избѣ я записалъ: Мўси Михась повядзё коня; пошбў нашъ старыкъ, такъ ёнъ знае; поёў бы (=поѣлъ бы); будзе поѣхаў; кола (=колеса) будуць ховалися; цялі чіесь ў бўльви хбдзиць.

Въ имѣніи *Поньмунь* (въ 18 в. отъ Гродна по Нѣману къ югу) отъ приходящихъ окрестныхъ крестьянокъ записалъ: капъ це звярё задрáli; нивадёмо чый. Употребляютъ—*са*, приставочное *и* (гоўца, говёсь). Въ остальномъ рѣчь такая же, какъ и въ другихъ мѣстахъ средней Бѣлоруссіи.

С. Дунайчицы Слуцкаго у. (къ югу отъ Клецка въ 5 верстахъ): прывѣёў, кудёю, сюдёю, на ганохъ нажныаюць, изрѣдка—*са*. Въ остальномъ рѣчь обычная.